

От Редакції

Еще одна зима, полная кошмаров, ушла, а катастрофа, нависшая над миром, еще не наступила. Кажется даже, что сгущившиеся тучи войны нѣсколько разсѣялись. Войну предсказывают уже не через мѣсяцы, а через годы. Во всяком случаѣ, Европа получила отсрочку своего приговора, и от нея самой зависит, как она ею воспользуется для своего возможнаго спасенія.

Что же собственно произошло за эту зиму? Произошло то, что анти-версальская коалиція держав, готовившая войну для передѣлки карты Европы, распалась. И развалил ее не кто иной как Гитлер, сумѣвший сразу оттолкнуть от Германіи двух сильнѣйших союзников: С.С.С.Р. своей безпощадной борьбой с коммунизмом и Италію своим натиском на Австрію, угрожающим в Тиролѣ непосредственно интересам Италіи и косвенно ее вліянію в восточной Европѣ. В этом пока единственные положительные плоды новаго германскаго режима. Вѣроятно, сам Гитлер тут не при чем. Но при том массовом безуміи, каким является націонализм в его современной расистской формѣ, нація, заболѣвшая им, становится опасной для всѣх сосѣдей. Все искусство политиков — вождей больной страны — может лишь в малой мѣрѣ смягчить послѣдствія этого добровольнаго изгойства. (Перестраховка с Польшей).

Парадоксальным образом горячка милитаризма, охватившая Германію, устранила непосредственную угрозу войны. Устранила, но не уничтожила. В мирѣ существуют два фокуса латентной войны, двѣ націи, которыя грезят войной и возлагают на нее свои упованія. Если Германія, в сознаніи своей технической слабости, прикрывает военную подготовку миролюбивыми рѣчами, то Японія словно нарочно создает шум вокруг своей экспансіи. Подобно Германіи, она множит число своих врагов, — повидимому, нерасчетливо и бесполезно — сразу вооружая против себя С.С.С.Р. и Соединенные Штаты. Уже теперь намѣчавшійся русско-японскій конфликт заслонен дру-

BIBLIOTECA DE LIT. E
MUSEO DE LIT. E

гим, болѣе грандіозным по своим міровым отголоскам: японо-американским.

Ослабленіе Лиги Націй и крушеніе конференцій о разоруженіи кладет конецъ бріандизма. Его внутренняя порочность была ясна для всѣх. Он покоился на двусмысленном сочетаніи подлиннаго, хотя и недорого стоющаго миролюбія с защитой своего достоянія: *beati possidentes*. Мы не склонны подозрѣвать в цинизмъ то, что было лишь человѣческой слабостью. Признаемся, что предпочитаем великодушную слабость уходящей эпохи подлинному цинизму бандитов сегодняшняго дня, для которых національный интерес или мощь не нуждаются ни в какомъ высшемъ оправданіи.

Пока воля бандитов скована внѣшней *force majeure*, не все еще потеряно. Правда, Европа вступает в полосу новой погони вооруженій, подобной началу столѣтія, и мы слишком хорошо знаем цѣну «вооруженнаго мира». Однако, поколѣніе, пережившее такую войну, нелегко мобилизовать снова. Носителями военной заразы являются преимущественно тѣ молодые, кто еще не пробовал удушливыхъ газов. Не исключена возможность и внутренней эволюціи или краха несущихъ войну держав. Эволюція итальянскаго фашизма можетъ дать нѣкоторое удовлетвореніе для оптимистов. Ни одинъ идеальный принципъ попрежнему не сдерживаетъ идеологій безграничнаго національнаго эгоизма, которымъ живетъ итальянскій народъ. Но здравый смыслъ вождя обезвреживаетъ до нѣкоторой степени тотъ ядъ, которымъ он отравилъ душу Италіи. Уже можно говорить объ Италіи Муссолини, какъ о факторѣ европейскаго равновѣсія или даже мира. Пока ничто еще не общаетъ такой же эволюціи гитлеризма. Но она все-таки возможна. Наконецъ, Японія сдерживается не только воздушнымъ флотомъ С.С.С.Р., но и слабостью своего собственнаго соціальнаго тыла. Ея классовые антагонизмы, нищета трудящихся массъ таковы, что подрываютъ вѣру в устоячивость этого новаго гегемона Азіи. В одинъ прекрасный день революція можетъ снести ее съ такой же легкостью, какъ и ея соперницу, имперію Россійскую.

Все это, конечно, не фундаментъ для строителей новаго міра, но лишь передышка, которой они должны воспользоваться. Состязаніе на короткую дистанцію добрыхъ и злыхъ силъ за «ку-

бок» жизни европейской культуры — продолжается. С перевсом на чьей сторонѣ?

За эти мѣсяцы демократія, все еще «спящая» (см. № 7 «Новаго Града»), получила ряд новых ударов и предостережений. Она погибла в Австріи, она тяжело ранена в Испании, во Франціи она вдруг увидѣла под ногами разверзшуюся пропасть. ¹⁾ Испанская ситуація слишком напоминает — пока — классическую схему XIX вѣка с непремѣнным реакціонным исходом классовых противорѣчій, раздирающих революцію, чтобы обѣщать какіе-либо уроки для будущаго. Очевидно, иберійскій мір (включая латинскую Америку) духовно живет наслѣдіем прошлаго: это арьергард Европы, повторяющій былые бои когда-то мятежной водителъницы — Франціи.

Австрійская обстановка, естественно, напоминает ближе всего Германію — с тѣми смягченіями, какія вносит гуманистическій дух старой Вѣны, національная антипатія к гитлеризму и католичество. Как и в Германіи, отступающая демократія нашла своих единственных защитников в лагерѣ социалистов. Но это обстоятельство явилось и ближайшей причиною ея гибели.

Мы не можем отказать в уваженіи рабочим бойцам Вѣны, павшим с оружіем для защиты свободы. Своей гибелью — предопредѣленность которой, вѣроятно, сознавали сами вожди — они до извѣстной степени смыли позор II Интернаціонала, столь безславно сдававшегося врагу в Германіи. Их бесполезный подвиг может быть сравнен с обреченной же борьбой бѣлой Россіи, которая, будучи не в силах остановить лавину исторіи, спасла по крайней мѣрѣ честь родины. Но, как в Россіи, так и в Австріи, сама идеологія ронсевальских героев заключала в себѣ источник пораженія. Соціалдемократія Австріи, безсильная перестроить общество, стремилась внутри его использовать свою относительную силу в интересах пролетаріата. Это общій порок всего II Интернаціонала. Лишь по Марксу, по схоластической доктринѣ, классовый интерес пролетаріата совпадает с интересами всѣх угнетенных и всего человѣчества. В дѣйствительности, в Австріи, как и в других мѣстах, относительное рабочее благополучіе покупалось за счет крестьянства и интел-

¹⁾ Уже во время печатанія статьи телеграф принес извѣстіе об анти-парламентских переворотах в Латвіи и Болгаріи. Кто слѣдующій?

лигенции, еще больше обездоленных, и вызвало к жизни давно знакомый фашистский блок. В итогъ — диктатура геймвера и официальное построение корпоративного государства на развалинах парламентской демократии.

Мы не имеем данных для оценки корпоративного государства Дольфуса. В его отвлеченных принципах мы готовы узнать отражение наших идеалов. Новый строй может развиваться в направлении социальной демократии. Но может оказаться и ширмой для социальной реакции. Рождение его из контр-революции не является благоприятным симптомом. Легкое наименование «христианским» государственным строем, возникшего на крови и на гибели политической свободы, производит особенно тяжелое впечатление. Будущее покажет, какое место в уже многочисленной семье фашистских народов займет Австрия, если — или пока — ей суждено независимое от Германии существование.

Франция, вместе с Англией, оставались до сего дня последней цитаделью парламентарной демократии. В февраль парламентаризм во Франции получил тяжкий удар. Правительство, опиравшееся на нормальное большинство Палаты, должно было уйти под давлением мятежной парижской улицы. Коалиционное министерство, управляющее Францией, возникло не по почину парламента, который лишь терпит его, как единственную гарантию своего собственного существования. Февральские дни вскрыли в парижском населении такую ненависть к депутатам — носителям национального суверенитета, — которая в сущности исключает возможность представительной демократии. Правда, Париж не вся Франция. Провинция внесла свои коррективы в настроение Парижа и отвела намеченный правыми государственный переворот. Но, несомненно, что анти-парламентарные настроения развиваются широко и в провинции. Они питаются двумя постоянными фактами французского политического строя: неустойчивостью парламентских кабинетов и коррупцией. Последняя, впрочем, характеризует не столько политический, сколько социальный и духовный кризис Франции. Она разъедает не одну политическую среду: суд, полиция и пресса дали свою долю поживы для любителей сенсаций. За всеми частными скандалами всех уличенных и еще скрывающихся Стависских лежит глубокая деморализация французской жизни под

влиянием спекулятивного финансового капитала. Процент, обособившийся от всякой деловой и организационной функции капитала, — процент, как самоцель для безчисленных фантас, ломающих себя голову над использованием помещенных ими сбережений, — и неограниченная жажда наживы финансовых хищников создает обстановку, где отличить честного банкира от Стависского до Устрика становится чрезвычайно трудно. Капитал утратил всякое подобие респектабельности, сохранив почти безграничное влияние во всех сферах публичной жизни. Как же не быть гниению?

К сожалению, пресса сумела заслонить этот основной факт политической и уголовной сенсацией. Мало кто во Франции глядит за поверхность явлений. Для одних дело Стависского сводится к скандалу лѣваго картеля (как пикантна демонстрация парижской биржи, привѣтствующей падение Даладье!); другие не идут дальше раскрытия фашистскаго заговора против республики. Политическая ярость выведеннаго из равновѣсія обывателя обратно пропорциональна его социальному радикализму. Вместо глубоких реформ он удовлетворился бы — фигурально или в натурѣ — головой противника. Во всем лѣвом секторѣ парламентской Франціи лишь нѣсколько человек, идущих за Маржэ и Бержери (нео-социалисты и «младорадикалы») ощущают социальную основу потрясеній. Остальные ищут спокойствія и равновѣсія. Для правых правительство старцев, коалиционность котораго исключает возможность подлиннаго творчества, кажется достаточным прикрытіем от бури.

Иное мы видим во виѣпарламентских группах и течениях. Тут социальные темы почти всегда доминируют. Приглядываясь к так называемым «фашистским» организациям (комбатантов, налогоплательщиков, Огненнаго Креста) мы видим ясно выраженные требованія регулированія хозяйственной жизни, борьбы с экономическим кризисом, с финансовым капиталом. Нечего говорить, что идеалистическія группировки молодежи (*Esprit*, *Ordre Nouveau*, *Troisième Force* и др.) все выдвигают социальную и духовную проблему впереди политической. К сожалению, на улицѣ политика доминирует, и именниками оказываются неизбежно коммунисты и *Action Française*.

Однако это брожение социальной мысли и нравственнаго

чувства показывает, что Франция еще жива. Сейчас можно лишь гадать о том, какое развитие получат духовные силы пробужденного народа, если раковая опухоль капитализма, разъедающая его, будет так или иначе удалена. Утешительно, что при всей ненависти к режиму, раскрывшейся столь внезапно, нигде не чувствуется ненависти к свободѣ. Очевидно, центрально-европейскій фашизм имѣет мало шансов во Франціи. Но поставленная перед нею проблема — социальной и политической реформы — сохраняет всю свою грозную остроту. Пока еще не видно и намеков на ея практическое рѣшеніе.

*
**

Россія снова волнует нас загадочными измѣненіями своего еле зримаго от нас лица. Перевернулась новая страница кровавой диктатуры. XVII съѣзд коммунистической партіи прошел под знаком здраваго смысла, борьбы с лѣвацким загибом, с головоотянством низового аппарата. Диктатор свалил на своих подручных вину за фактической провал пятилѣтки, за подрыв народных сил, за голод и разореніе прошлаго года. Нѣкоторый отказ от доктринерскаго коммунизма замѣтен в деревнѣ: колхозы вмѣсто коммун, частичное возстановленіе личного хозяйства, вольнаго рынка. Этого было достаточно, чтобы спасти страну от голода и вернуть ей (как в башкирской сказкѣ об овцах в избѣ мужика) ощущение матеріальнаго благополучія. В зарубежѣ эта перемѣна отразилась преувеличенными ожиданиями в нѣкоторых кругах. Уже провозглашена кое-към национализация сталинизма, уже кое-кто начинает укладывать чемоданы для возвращенія на родину. Здѣсь вполне умѣстно примѣнить к себѣ сталинскій совѣтъ — беречься «головкруженія». Сохраним трезвость. Мы не знаем, что принесет завтрашній день, но день вчерашній предупреждает нас. Не одна весна в большевистской Россіи была убита морозом коммунистической реакціи. Нѣп Ленина был во-истину передышкой для палачей. Сталин раз уже дал передышку для раскулаченнаго черезчур быстро крестьянства. Послѣ голода прошлаго года новая приостановка вполне естественна. Она легко может сойти на нѣтъ при первом благоприятном измѣненіи в хозяйственной конъюнк-

ктурѣ. Однако есть в этой сталинской веснѣ и кое-что новое. Во-первых, она совпала с крутым поворотом во внѣшней политикѣ. С.С.С.Р. возвращается в систему западных держав, и именно в версальскій (консервативно-демократическій) лагерь, порывая традиціонный союз с Германіей. Опасность с Востока напругает всѣ силы страны, заставляя власть дѣлать широкія уступки для населенія дальне-восточной окраины и свертывать красное знамя в Европѣ. В войнѣ с Японіей міровой пролетаріат не придет на помощь Россіи, но вполне реальна помощь Соединенных Штатов и, может быть, Франціи.

Но, если для этого сближенія с капиталистическим міром можно искать аналогій из эпохи Генуи и Рапалло, то совершенно не имѣет прецедента частичное свертываніе марксизма внутри страны. Поход против марксистскаго обществовѣдѣнія в школѣ, возстановленіе исторіи, возвращеніе в университет ряда «буржуазных» историков свидѣтельствует о разочарованіи в самых методах (или основах?) марксистскаго воспитанія. Может-быть, и это только проблеск здраваго смысла у неизлечимаго маниака, но, может-быть, и первый шаг к выздоровленію. Судить рано. Если же это поворот серьезный, то позволительно задать себѣ вопрос, что он сулит Россіи, каковы новые этапы ея жестокаго пути.

Замѣчательно, что послѣдняя весна в Россіи нисколько не отразилась на режимѣ всеобщаго государственнаго рабства. Скорѣе наоборот, она усиливает режим личной деспотіи. Никогда еще партійная оппозиція (единственная форма политической оппозиціи в Россіи) не была так задушена, как сейчас. Никогда печать не доходила до такого пресмыкательства перед диктатором. В Россіи в этом году не ѣдят людей, но их по-прежнему убивают, а главное, обращают в рабство. Трудом рабов и крѣпостных строятся гиганты заводов, проводятся каналы, колонизируется дикій сѣвер. Самоновѣйшая тенденція в этой области выражается скорѣе в отказѣ от дорогой и неподходящей для Россіи американской техники в пользу дешеваго и безответнаго рабскаго труда. Россія эволюционирует замѣтно — но в сторону не свободы, а древне-азиатскаго (если угодно, московскаго) крѣпостнаго царства. Отказ от революціонных міровых задач позволяет говорить о фашизаціи большевизма.

Возможно, что сталинизм и есть русская форма фашизма, и что другого фашизма в Россіи не будет. Неблагополучно только с идеологіей. Марксизм непригоден для національнаго обихода, и, хотя сталинскіе философы давно толкуют его на свой лад, тѣм не менѣе разрыв между идеей и дѣйствительностью очень глубок. Лишь безыдейность современной молодежи, надорвавшейся на пятилѣткѣ, позволяет пока закрывать глаза на этот разрыв. Будущее покажет, понадобится ли новый идейный кризис, чтобы смѣнить диктатора и его негодный аппарат, или же вывѣтриваніе марксизма пойдет и дальше в порядкѣ дифференціалов. Одно мы знаем твердо. Сегодняшній облик Россіи нам столь же ненавистен, как и вчерашній. Борьба со сталинским фашизмом является для нас таким же священным долгом, каким была борьба с пережитками ленинскаго коммунизма — на путях к подлинному просвѣтленію лица Россіи.